

ПОЛИТОЛОГИЯ

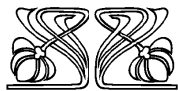
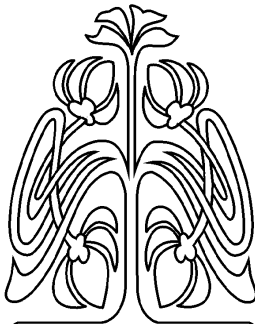
УДК 32.019.5 (47+57)

ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ФАКТОР ДЕЗОРИЕНТАЦИИ И РАСКОЛА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА И РАСПАДА СССР

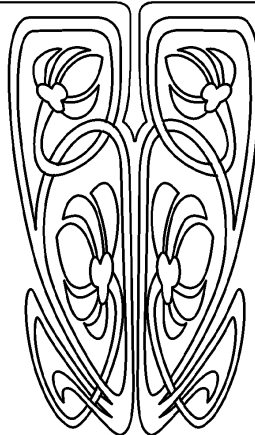
А. А. Вилков, В. А. Пивоваров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского

E-mail: vil57@yandex.ru, vpivovar55@gmail.com

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В статье рассмотрена функциональность и целеполагание пропаганды в период перестройки в СССР и проанализировано изменение использования пропагандистской машины в результате эволюции стратегии ускорения и политики гласности как самодостаточных инструментов преобразования всех сфер советского общества. Обоснован вывод о том, что использование пропаганды для внедрения в массовое сознание идеологии «социализма с человеческим лицом» не увенчалось успехом, так как критический потенциал, накопленный активистами гласности, объективно был направлен не только против застойных явлений и противоречий «развитого социализма», но и против идеи социализма в целом. В итоге мощнейший пропагандистский аппарат партийно-государственной системы по инициативе и под руководством инициаторов перестройки стал одним из главных инструментов дезориентации и раскола советского общества и одним из ключевых факторов быстрого разрушения СССР и социалистического строя.

Ключевые слова: перестройка, «ускорение», политическая пропаганда, гласность, критика «развитого социализма», идеология демократического социализма.

The Propaganda Factor in the Disorientation and the Split of the Soviet Society and the Collapse of the USSR

A. A. Vilkov, V. A. Pivovarov

The article is devoted to considering the functionality and the goal-setting of the propaganda during the period of Perestroika in the USSR. It is also analyzed the changes in the use of the propaganda machine within the policy of Uskoreniye [literally meaning «acceleration»] and Glasnost [literal meaning «publicity»] – the substantive instruments of transformation of all the spheres of the Soviet society. It is made the conclusion that using the propaganda for inculcation in the mass consciousness the ideology of «socialism with a human face» had no success since the critical potential accumulated by the activists of the «Glasnost policy» was actually aimed not only against the stagnation and the contradictions of «the developed socialism concept», but also against the idea of socialism in general. Eventually, under the guidance of the Perestroika initiators the powerful propaganda apparatus of the party-state system became one of the main tools of the disorientation and the split of the Soviet society as well as one of the key factors of the sweeping destruction of the USSR and the whole socialist system.

Key words: Perestroika, Uskoreniye, political propaganda, Glasnost, criticism of the developed socialism, ideology of democratic socialism.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-432-438

Тридцатилетняя годовщина начала перестройки в очередной раз стимулировала общественную и научную дискуссию по поводу причин, основных направлений и последствий данного реформирования политической и социально-экономической системы СССР. Ее критическое осмысление началось еще в процессе перестроечных преобразований¹ и не прекращается по сей день². Периодически по этому поводу высказывается бывший Генеральный секретарь ЦК КПСС, первый и последний Президент СССР М. С. Горбачев³. Последнее ин-

тервью, данное им «The Sunday Times», посвящено не столько его роли в перестройке, сколько «озабоченности» обострением отношений России с США и НАТО: «Я хочу, чтобы люди узнали о моих взглядах в то время, когда ситуация в мире сильно меня беспокоит. Было так трудно завоевать свободу в России и так трудно достичь взаимного сотрудничества с США. Как мы оказались на краю этой пропасти? Я хочу объяснить причину этой проблемы. Я просто не могу прятать голову в песок»⁴. Однако весь смысл интервью состоит в том, чтобы в очередной раз подчеркнуть, что его заслуги в демократизации мировых отношений и преобразовании карты мира в самой России смогут оценить только через определенный период.

Одним из важнейших факторов разрушения страны стали пропагандистские войны против СССР. Осмысление данной проблемы особенно актуализировалось тем, что в условиях обострения международных отношений в связи с возвращением Крыма в состав России вновь резко усилилось не только политическое давление на В. Путина и его команду, но и информационно-психологическое воздействие западноевропейских СМИ на российское население. Это позволяет многим аналитикам оценивать ситуацию как состояние информационной войны против современной России. Некоторые исследователи считают, что она никогда не прекращалась против постсоветской России⁵.

Понятие пропаганды⁶ в рамках такой войны по своей сути остается неизменным с 1920-х гг., когда Э. Бернейс определил ее следующим образом: «...последовательная, достаточно продолжительная деятельность, направленная на создание или информационное оформление различных событий с целью влияния на отношение масс к предприятию, идее или группе»⁷. Как представляется, данное определение не только не утратило своей актуальности, но приобрело еще более глубокий смысл в современном информационном обществе, когда основным инструментом контроля над людьми становится грамотная подача и интерпретация разнообразной информации, освещение событий под определенным углом зрения.

Американский политолог Г. Лассуэлл еще в 1950-е гг. довольно полно изложил основные цели пропаганды, применяемой в годы Второй мировой войны. Стратегическая цель пропаганды, по его мнению, заключается в возбуждении ненависти к неприятелю. Важнейшей целью является поддержание дружественных отношений с союзниками, а также сохранение дружественных отношений с нейтральными странами и народами с целью дальнейшего (по возможности) их расположения к себе. Главной же целью пропаганды автор считает полную деморализацию противника⁸. Тем самым Г. Лассуэлл выдвинул на первый план информационно-психологиче-

скую сферу войны, показал пропаганду как новый, особый вид оружия, воздействующий на нравственное (психическое) состояние врага⁹. Именно пропаганда стала основным оружием в период холодной войны между странами НАТО и странами Варшавского договора. Холодная война фактически велась на трех основных фронтах: информационном, экономическом и военном. Информацию использовали как оружие прямого воздействия на морально-нравственное состояние противника, стараясь дестабилизировать, деморализовать его. В соответствии с сутью и целями пропаганды ее условно можно определить как еще одно мощнейшее и всепроникающее «оружие массового поражения».

СССР достаточно успешно противостоял этой информационной войне с помощью собственной мощнейшей пропагандистской машины, «железного занавеса», специальных средств глушения «вражеских голосов». Лингвистический механизм пропаганды этого периода в целом вполне конкретно представлен в коллективной монографии «Техника дезинформации и обмана»¹⁰. В этой книге, выпущенной в СССР в 1978 г., за традиционными для подобных исследований многочисленными словесными клише («буржуазная пропаганда», «закабаление трудящихся», «излюбленный прием Пентагона», «американские агрессивные действия») представлено качественное изложение основ теории речевого воздействия, заимствованных авторами из разного рода англоязычных философских, лингвистических работ.

Однако в период перестройки ситуация принципиально изменилась в связи с переходом к политике гласности внутри страны и «нового политического мышления» в международных отношениях.

В начале своего нахождения на посту Генерального секретаря М. С. Горбачев оперировал вполне традиционной риторикой, заявляя: «Советская пропаганда плохо раскрывает достижения и преимущества социализма в сфере прав человека. Вот говорят, что мы проигрываем по правам человека. Но ведь мы не сумели показать, чем мы располагаем по сравнению с капитализмом, потому что привыкли к этому. А там это замалчивают. Мы поддались на их уловки, а ведь занавес-то против нас повесили они. Надо на современном уровне знаний показать нашу Революцию как поворотное событие XX века»¹¹.

О значении пропагандистской работы свидетельствует тот факт, что уже на XXVII съезде КПСС стремление «убедить широкие слои трудящихся в правильности избранного пути» было обозначено как задача, решаемая параллельно с ускорением, а не предшествующая ему, подготавливающая его¹². Данная установка была подкреплена специальным постановлением ЦК КПСС 1987 г. «Основные направления перестройки системы политической и экономической

учебы трудящихся», в котором подчеркивалось: «Развертывая борьбу за обновление общества, партия исходит из того, что под эту огромную работу необходимо подвести прочный фундамент убеждения. Формировать сознание миллионов советских людей, изменять их психологию и мышление в духе перестройки – одна из ключевых задач идеологической деятельности»¹³.

Однако решение данной задачи вступило в противоречие с провозглашенной политикой гласности. Уже первые ее результаты вызвали критику со стороны адептов традиционной трактовки «развитого социализма», которые усмотрели (как потом оказалось, вполне резонно) в повсеместном разоблачении «белых пятен» истории страны угрозу существования социалистического строя. Разоблачительные статьи журналов называли простым «очернительством», все громче раздавались требования свернуть программу демократизации и вернуться к тотальному партийному контролю над обществом.

К примеру, письмо Н. Андреевой, опубликованное в газете «Советская Россия» под заголовком «Не могу поступиться принципами», вызвало неоднозначный широкий общественный резонанс. В этом письме преподавательница из Ленинграда открыто и резко осуждала «заимствования на Западе», политику гласности и фальсификации «истории социализма и социалистического строительства»¹⁴. Андреева призывала защитить идеи социализма, однако люди уже не хотели верить в те идеалы, которые так активно разносили в пух и прах на каждом углу журналисты и сама власть.

Официальная установка на преобразования была неизменной. «Перестройка – единственно возможный путь укрепления и развития социализма, решение назревших проблем общественного развития... Перестройка – это наша судьба, шанс, который дает нам история. Он не может и не должен быть упущен», – говорил М. С. Горбачев, выступая на XIX Всесоюзной конференции КПСС¹⁵.

Постепенно Генеральный секретарь ЦК КПСС стал отмежевываться от линии, традиционно реализуемой советским пропагандистским аппаратом. Фактически М. С. Горбачев выступил инициатором переформатирования советской системы внутренней и внешней пропаганды под задачи гласности: «Вопиющее отставание даже от тех, кого мы разгромили в войне, стало невозможно скрывать от общества. Пропаганда “успехов” только взрыхляла почву для анекдотов и злых насмешек, и как всякое вранье, дискредитировала власть и политически, и нравственно»¹⁶.

«Перестроечное» отношение Генсека к сложившейся системе пропаганды проявлялось и в сфере внешней политики. Уже в мае 1986 г. на узком совещании М. С. Горбачев, обосновывая сущность «нового политического мышления» на международной арене, заявлял: «Пропаганду

надо вести не драчливо, без обвинений, чтобы из нее вытекало, что мы действительно хотим что-то делать. Чтобы в ней был мотив приглашения к серьезному диалогу. И не начинать с обличений»¹⁷. Эти установки должны были сломать традиционные представления партийно-государственного аппарата о пропагандистском противостоянии с США и их союзниками.

Об их сути можно судить, например, по книге В. Н. Ярошенко, опубликованной в 1986 г. и направленной на разоблачение подрывной деятельности «западных радиоголосов» против СССР: «Психологическая война, которую ведут против СССР, социалистических стран, стран социалистической ориентации и национально-освободительного движения империалистические державы и их органы пропаганды, ни в коей мере не является войной идей. На самом деле это комплекс диверсионно-пропагандистских мероприятий деструктивного характера, осуществляемых с привлечением достижений в различных областях современной науки (в первую очередь социальной психологии) и усилий различных служб, главным образом разведок...»¹⁸. Автор констатирует: «Вместо расширения кругозора слушателя, формирования у него научных представлений, буржуазная пропаганда со свойственным ей пренебрежением к массам оболванивает слушателя, снабжая его целенаправленными, не требующими усилий, упрощенными решениями, вырабатывая у него привычку принимать и повторять тезисы, которые внушены или подсказаны ему пропагандистом. Чем чаще повторяется вариант идеи, тем надежнее обеспечивается успех дела, тем вернее слушатель примет это суждение и будет считать его своим собственным. Приверженность этим концепциям буржуазной пропаганды подтверждает современная практическая деятельность американских и английских радиоцентров»¹⁹.

Генеральный секретарь ЦК КПСС не отрицает наличия такой пропагандистской войны против СССР, но пытается переломить ее добровольным отказом от подобного действия против Запада. Во время поездки в Осло М. С. Горбачев в своей беседе с Гру Харлем Брундтланд (политической и общественной деятельницей Норвегии, лидером Норвежской рабочей партии, видной деятельницей Социнтерна) высказался предельно конкретно: «Я и не подключаюсь к пропагандистской войне, которую ведут против нас и на которую мы должны адекватно отвечать собственными подобными усилиями. Хотя желание высказаться от души, признаюсь, появляется»²⁰.

Эта линия на односторонний отказ СССР от пропагандистского противостояния стала ключевой во внешней политике. Вот как выражался по поводу предстоящей встречи с Президентом США Р. Рейганом М. С. Горбачев в 1987 г.: «Я сказал: мы должны идти на эту встречу без всякого налета пропаганды. Мы должны предста-

вить серьезные, реалистические, далеко идущие предложения. И если они будут отвергнуты президентом, тогда придать все это гласности»²¹.

Фактически в одностороннем продвижении идей «нового политического мышления» понятие пропаганды стало для М. С. Горбачева своеобразным инструментом «запугивания» своих западноевропейских партнеров по переговорам. К примеру, в 1988 г. в беседе с корреспондентом западногерманского издания он пафосно провозгласил: «Но если такой конструктивный подход для вас неприемлем, если вы за конфронтационный, пропагандистский подход, доходящий до вмешательства в наши внутренние дела, то нам придется отвечать, и делать это мы будем изо всех сил. Пока что мы этого почти не делали, проявляли сдержанность»²².

Для преодоления внутриаппаратного сопротивления идеям «нового политического мышления» использовалась несколько иная риторика и аргументация. Например, на заседании Политбюро М. С. Горбачев не отказывался от понятия пропаганды во внешней политике, но пытался наполнить ее новым смыслом: «Мы наступаем, потому что предлагаем миру реалистические подходы и признаем интересы США, но не гегемонистские их запросы. <...> Все их акции – к тому, чтобы спровоцировать нас. <...> Мы не можем действовать адекватно, реагируя на американскую политику по принципу зуб за зуб: мол, раз мы “империя зла”, то вы такие-то и т. д. Наша реальная политика сильнее всякой пропаганды. А пропаганда должна обеспечивать другое – показывать реализм, бескорыстие нашей политики, что мы учитываем и чужие интересы. Этим мы будем загонять американцев в тупик с их провокациями. Слабость нашей пропаганды в том, что у нас мало возможностей проникать в самую Америку, но у нас есть возможности действовать через Европу, чтобы добиваться изоляции их милитаристской верхушки»²³.

Однако наибольшие изменения произошли в системе внутренней пропаганды, которая до начала перестройки пронизывала всю систему политической социализации советского общества и служила не только инструментом распространения и индоктринации идей социализма для формирования «нового человека», но и инструментом «разоблачения происков буржуазной пропаганды».

С одной стороны, советский аппарат пропаганды и агитации в первые годы перестройки по инерции продолжал иметь масштабное финансирование и мог реализовывать крупномасштабные проекты в этой сфере. Например, на основе марксистско-ленинской методологии было проведено лингвистическое исследование методик американской пропаганды. Уже в предисловии к вышедшему по результатам проекта изданию говорилось: «В условиях обострения идеологической борьбы правильный выбор методологи-

ческой основы определяет не только методологическую сущность исследования. Никакой подход к анализу языковых явлений не может дать плодотворных результатов в отрыве от марксистско-ленинской методологии, не может рассматриваться в качестве частного научного вывода»²⁴. Резюме же у данного узкоспециального исследования было также однозначно жестким: «В практике буржуазной пропаганды существенное место занимают не только прямые и косвенные методы пропаганды буржуазной идеологии, политических программ и концепций буржуазных партий и правительств, полуправда, искажения и подчас прямая ложь, диффамация и инсинуации, но и утонченные способы извращения понятий и представлений, идей и учений, политики коммунистических партий, социалистических стран, прогрессивных движений с помощью словесной эквилибристики, опирающейся на весьма тщательно разработанные лингвистические, социолингвистические и социопсихолингвистические приемы. Этот лингвистический аппарат буржуазной пропаганды – один из наиболее хитрых и завуалированных участков той психологической войны, которая ведется против стран социализма, против рабочего и национально-освободительного движения, против широких демократических движений»²⁵. По инерции в подобном духе (на основе формирования марксистско-ленинского мировоззрения) продолжалось преподавание истории и обществознания в школе, истории КПСС, диалектического и исторического материализма и научного коммунизма в вузах. Пионерские и комсомольские организации продолжали воспитывать подрастающее поколение в духе преданности коммунистическим идеалам.

С другой стороны, мощнейший и всеобъемлющий механизм индоктринации социалистических идей стал давать сбои. Главный удар сложившаяся система советской пропаганды получила изнутри, в результате проведения политики гласности.

Логическим продолжением масштабного и многовекторного раскрытия «белых пятен» советской истории (результатом которых стало то, что они превратились в «черные пятна») стало формулирование сомнений в самом пропагандистском противостоянии с США и их союзниками. Например, один из известных публицистов эпохи перестройки Л. Карпинский прямо поставил вопрос: «Мы поняли необходимость сосуществования, сотрудничества, компромисса и т. д. Но вот главный вопрос: остаемся ли мы при этом на прежней позиции, согласно которой все равно между двумя системами существуют отношения “кто-кого?”. Имеем ли мы опять в виду, что мы все равно вытесним с карты планеты нашим обликом все остальные облики?»²⁶. И дает на него недвусмысленный ответ: «...наша перестройка не только содействует конвергенции, она и есть внутренняя интерпретация самого раннего процесса

конвергенции. Потому что перестройка, которая касается реконструкции социализма, именно его экономических и политических структур, действительно приближает нас к тому, что создано мировой цивилизацией, в том числе и цивилизацией того же самого капитализма. И нечего бояться сказать, что, в известном смысле, перестройка является «реставрацией» цивилизаторских достижений капитализма»²⁷. Еще более открыто формулировал подобную позицию А. Д. Сахаров²⁸, которого после возвращения из ссылки либерально ориентированные оппозиционеры КПСС провозгласили своим духовным и идейным лидером.

Значительным фактором изменений в массовом сознании и соответствующих изменений в отношении официальной пропаганды стали новации в культурной политике. К примеру, появление фильма Т. Абуладзе «Покаяние» стало настоящим событием и широко обсуждалось в СМИ. Кроме того, в этот период зрители Союза впервые получили возможность познакомиться с творчеством мастеров мирового и отечественного уровня без «цензурного налета». Работы русских и зарубежных авангардистов 1920-х гг. стали доступны для широкой публики на вполне легальной основе. Выставки работ, концерты и творческие вечера эмигрантов (Э. Неизвестного, М. Шемякина, В. Ашкенази, Г. Кремера и др.) собирали настоящие аншлаги.

Социолог Ненси Рис, исследовавшая период перестройки в СССР, пишет, что «разрыв с прошлым произошел в 1985–1987 гг., когда горбачевские реформы начали набирать размах. Этот разрыв с социальной практикой прошлого был вполне искренним и по-настоящему действенным. Подстегнутый официальной деятельностью властей, он взрезал социальную ткань и обнаружил широкое лиминальное пространство, в котором в последующие несколько лет социальные нормы и структуры выворачивались наизнанку и ставились с ног на голову драматичнейшим образом. Разрыв означал, что наконец могло быть высказано то, что ранее не высказывалось, могло быть сделано то, что раньше не делалось, могло быть изменено то, что прежде оставалось неизменным»²⁹.

Политика гласности оказала на общество воздействие, которое коренным образом отличалось от всех прогнозируемых правительством М. С. Горбачева моделей. Вместо «баланса черного и белого» общество поголовно свалилось в очернительство всего и вся. Ранее запретные «мрачные истины» выносились на широкое обсуждение и становились главным модусом общественного дискурса. Все то, что начиналось как необходимый качественный анализ глубочайшего кризиса советской системы, стремительно приобретало форму жалоб и скорби по всему, что как-то связано с прошлым. Такие жанры подачи материала стали преобладать не только в рядовых, но и ведущих СМИ. Такие культовые еженедельники, как «Огонек», «Московские

новости», с заметной регулярностью стали публиковать материалы о жестокости и несправедливости сталинской эпохи. По тому же пути следовали многие режиссеры и сценаристы на телевидении. Бесконечные сюжеты о трагедии и лишениях советского народа стали флагманской темой любой телевизионной передачи или фильма. Обычные люди тоже стали рассказывать о своих трагедиях. В своем вступительном слове к сборнику писем читателей редактору «Огонька» Виталий Коротич давал такое обоснование интенсивности этого процесса: «Искусство переживать боль (я думал и писал об этом много раз) выше искусства быть счастливым. Боль всегда конкретна. Болит ли у вас нога или рука, зуб или спина, вы понимаете причину своего страдания; вы понимаете ее не в каком-то абстрактном смысле, а точно, конкретно, Большинство наших писем о боли и о том, как пережить боль. Скоро их будет чуть ли не 200 000 в год. Сейчас все переменялось, Открытость нашего общества, его желание высказаться после десятилетий цензуры потрясает. Люди пишут письма, задают вопросы и предлагают свои собственные ответы»³⁰.

За короткое время, как заметил Коротич, количество писем «о боли» возросло крайне существенно. Эти письма содержали жалобы на бытовые трудности, недостаток сочувствия, понимания, содержали истории о семейных и личных трагедиях, сталинских репрессиях, казнях, жестокостях того, сталинского времени. Огромное количество людей, что называется, «прорвало». Все это было отражением общего «взрыва» в умах всех слоев населения.

Все события культурно-массового характера освещались в прессе уже не так, как раньше. СМИ стали намного «вольнодумнее» и высказывали самые различные и противоположные точки зрения. Весь этот доселе невиданный поток противоречивой информации, свалившийся на обывателя, имел огромное, необратимое влияние, вызывал неоднозначную реакцию.

Свобода слова и официальное стимулирование критики «пережитков застоя» и «сталинизма» привели к тому, что уже в 1989 г. социологи выявили в массовом сознании советских граждан существенно различные (а нередко и противоречащие друг другу) трактовки смысла перестройки и соответствующее отношение к ней: ориентация на общечеловеческие ценности (прозападная); защита принципов социальной справедливости, защита интересов простых трудящихся; укрепление роли государства в борьбе со взяточниками и другими антиобщественными элементами; «защита природы от разрушительных последствий человеческой деятельности, достижение всеобщего мира и разоружения»; «возрождение русского национального достоинства и культуры, таких ценностей, как патриотизм, мораль, семья». Однако главное, что волновало в этот период большинство российских

граждан, – «это наличие в магазинах дешевых и качественных товаров»³¹.

В результате проведения политики гласности за несколько лет были разрушены «результаты идеологической работы семи десятилетий». Широкие массы людей, подверженные новым веяниям, терялись во мнениях. Они видели, что перестройка не только не принесла облегчения, а напротив – преумножила социально-экономические и политические проблемы, посеяла хаос в головах людей. Начался один из самых страшных процессов в жизни общества – процесс разрыва с прошлым и слепые попытки, в условиях абсолютной дезориентации, построения нового образа жизни и мышления.

Хаос коснулся и властных структур. К примеру, руководителям различного рода местных инстанций Главлита стало «трудно работать» в новых условиях. На свои недоуменные вопросы, адресованные, естественно, «директивным органам», т. е. идеологическим структурам КПСС, они перестали получать «однозначные» ответы; им советовали действовать «по обстановке». По обстановке – это как? На что ориентироваться теперь? На то, что нужно говорить, на то, что хочет слышать народ? Или вообще ничего не говорить? Не ясно. Главный источник последних веяний в высших сферах – передовицы «Правды» – также звучали как-то двусмысленно. И вообще, непонятно было: откуда же все-таки ветер дует... а ветер дул «одновременно в разные стороны»³².

Можно ли было стабилизировать обстановку в государстве, когда главный беспорядок царил не только в умах рядовых граждан, но и в умах редакторов, политиков, интеллигенции? По данным социологов, вполне закономерно (в свете разброса представлений населения о стратегии перестройки), что уже к началу 1990-х гг. в наличии продуманной программы изменений у М. С. Горбачева и его единомышленников не сомневалось только 19% российских граждан. Более того, в 1990 г. уже 47% граждан (в 1987 г. 24%) основную причину кризиса советского общества видели в политических причинах (ошибки в управлении страной). Оценка политической природы кризиса перестройки связывалась с политической элитой и ее неспособностью повлиять на ситуацию в стране³³.

Подводя итог, можно констатировать, что официальная пропаганда, призванная обеспечить мотивацию осознанного участия советских граждан в процессах перестройки, постепенно утратила свою функциональность в связи с тем, что было выхолащено ее идеологическое основание. Понятные большинству населения ориентиры и принципы строительства социализма предшествующего периода были в значительной степени дискредитированы в результате политики гласности. Попытки заменить эти ориентиры и принципы на основе идеологии «социализма с человеческим лицом» не увенчались успехом, так как критический потенциал, накопленный

активистами гласности, объективно был направлен не только против застойных явлений и противоречий «развитого социализма», но и против идеи социализма в целом. В итоге мощнейший пропагандистский аппарат партийно-государственной системы, по инициативе и под руководством инициаторов «перестройки», стал одним из главных инструментов дезориентации и раскола советского общества и одним из ключевых факторов быстрого разрушения СССР и социалистического строя.

Примечания

- ¹ См.: Андреева Н. Неподаренные принципы, или Краткий курс истории перестройки (Избранные статьи, выступления). Л., 1992.
- ² См.: Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992; Рыжков Н. И. Перестройка: история предательства. М., 1992; Его же. Десять лет великих потрясений. М., 1995; Между Сциллой идеологии и Харибдой политики (Р. Страйер в поисках рациональных аргументов распада СССР) // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 2. С. 264–274; Маслов Д. В. Нарастание кризиса советской партийно-государственной системы. 1985–1991. М., 2000; и др.
- ³ См.: Утраченная перестройка. Михаил Горбачев для «Нью-Йорк Таймс». URL: <http://ubop.info/zarubezhe/utrachennaya-perestroika.html> (дата обращения: 23.05.2016).
- ⁴ «Самый непонятый лидер в мире»: интервью с Михаилом Горбачевым. URL: <http://inopressa.ru/article/23May2016/sundaytimes/gorbi.html> (дата обращения: 23.05.2016).
- ⁵ См.: Панарин И. Н. Информационная война и геополитика. М., 2006.
- ⁶ Понятие пропаганды как инструмента распространения католической веры среди язычников впервые было использовано в булле (постановлении) папы Григория XV 1622 г., когда была создана Конгрегация пропаганды веры (Sacra Congregatio de Propaganda Fide).
- ⁷ Бернейс Э. Пропаганда. М., 2010. С. 6.
- ⁸ См.: Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне. М., 2010. С. 14.
- ⁹ Там же. С. 16.
- ¹⁰ Техника дезинформации и обмана. М., 1978.
- ¹¹ На Политбюро 24 июля 1986 года // Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М., 2010. С. 117.
- ¹² XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля – 6 марта 1986 года. Стенографический отчет: в 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 44.
- ¹³ КПСС о перестройке: Сборник документов / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1988. С. 215.
- ¹⁴ Сов. Россия. 1988. 13 марта.
- ¹⁵ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 42.

- ¹⁶ Горбачев М. С. Размышления о прошлом и будущем. М., 1998. С. 26.
- ¹⁷ На узком совещании у Горбачева 26 мая 1986 года // Отвечая на вызов времени... С. 44.
- ¹⁸ Ярошенко В. Н. «Черный» эфир : Подрывная пропаганда в системе буржуазного внешнеполитического радиовещания. М., 1986. С. 6.
- ¹⁹ Там же. С. 164.
- ²⁰ Из беседы с Гру Харлем Брундтланд. Москва, 5 декабря 1986 года // Отвечая на вызов времени... С. 462–463.
- ²¹ Отвечая на вызов времени. ... С. 42. См. также: Визит генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки. 7–10 декабря 1987 года. Документы и материалы. М., 1987.
- ²² Из беседы с Джорджем Шульцем. Москва, 22 апреля 1988 года // Отвечая на вызов времени... С. 126.
- ²³ На Политбюро 3 апреля 1988 года // Отвечая на вызов времени... С. 151.
- ²⁴ Язык и стиль буржуазной пропаганды / под ред. Я. Н. Засурского, А. Д. Парятниковой. М., 1988. С. 14.
- ²⁵ Там же. С. 142.
- ²⁶ Карпинский Л. Здравый смысл перестройки // Век XX и мир. 1989. № 1. С. 15–16.
- ²⁷ Там же. С. 16.
- ²⁸ См.: Сахаров А. Плюрализм – это конвергенция // Там же. С. 18.
- ²⁹ Рус Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005.
- ³⁰ Там же. С. 89.
- ³¹ Бызов Л., Львов Н. Перестройка : политическое сознание и социальные отношения // Век XX и мир. 1989. № 3. С. 12.
- ³² Блюм А. В. Как это делалось в Ленинграде. М., 2004. С. 46.
- ³³ См.: Волосков И. Перестройка и источники трансформационных изменений // Власть. 2008. № 8. С. 115.

Образец для цитирования:

Вилков А. А., Пивоваров В. А. Пропагандистский фактор дезориентации и раскола советского общества и распада СССР // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 432–438. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-432-438.

УДК 323.2+32.019.51

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕДИЙНОЙ ГРАМОТНОСТИ

А. А. Казаков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

В статье рассматриваются отдельные положения ключевых правовых документов Российской Федерации (Конституции, Доктрины информационной безопасности и Концепции государственной информационной политики Российской Федерации), способствующие формированию медийной грамотности.

Ключевые слова: медийная грамотность, Конституция России, политико-правовое обеспечение, масс-медиа.

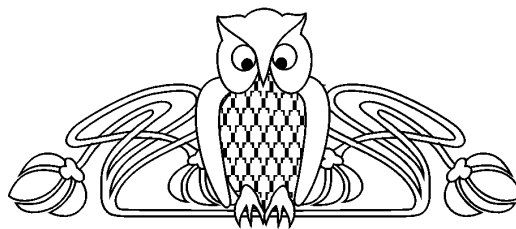
Conceptual Bases of Political and Legislative Support for Media Literacy

A. A. Kazakov

Certain premises of the key Russian legal documents (i.e. Constitution, Doctrine of Information Security, and Conception of State Information Policy of the Russian Federation) conducive to the media literacy formation are considered in this article.

Key words: media literacy, Constitution of the Russian Federation, political and legislative support, mass media.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-438-443

Анализ правовой составляющей обеспечения условий для повышения медийной грамотности чрезвычайно важен как для общества в целом, так и для его политической подсистемы. В контексте данной статьи под медийной грамотностью будем понимать способность индивида уверенно ориентироваться в окружающих его потоках информации, оперативно находить необходимые ему сведения, объективно их оценивать и эффективно использовать в собственных целях. Считаем все это неотъемлемым элементом как общей и политической, так и правовой культуры человека. Не обладая знаниями о юридической стороне связанных с информацией отношений и навыками критического осмысления сообщаемых журналистами фактов, личность в конечном итоге становится менее конкурентоспособной в условиях современного динамично развивающегося и нередко информационно перегруженного мира.

Распространение соответствующих знаний и навыков в масштабах всего общества представляется важным в контексте обеспечения социальной стабильности и устойчивости политической системы государства. Людей, обла-